

**ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2022-2023 УЧ. ГОД**

10 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3 астрономических часа (180 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1 астрономический час (60 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (4 астрономических часа (240 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа

Напишите целостный анализ рассказа писателя Елены Долгопят «Путешествие». Выполните целостный анализ произведения. Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой связный, завершённый текст. Максимальный балл - 70 баллов.

Опорные вопросы:

- 1. Почему герой отправился в путешествие?**
- 2. Оправдались и мечты героя?**
- 3. Какую роль играют второстепенные персонажи рассказа?**
- 4. Как вы понимаете последние строки рассказа?**

Он хотел посмотреть мир. Никто бы с ним не поехал, а одного бы не отпустили. И он решил сам, тайком. Они жили тогда в Сокольниках, недалеко от вокзалов. Для него путешествие было, как для Дон Кихота, осуществлением книг. Он тщательно продумал, что взять в дорогу. Спички, нож, фонарик, сухари, соль, кулек слипшихся леденцов, полотенце, носки, зубную щетку, зубную пасту, гребешок, ручку, чистую тетрадку, катушку черных ниток с воткнутой в них иглой, громкий железный пистолет. Пистоны в отдельной коробочке.

Уже началась школа, сентябрь, не жарко. Течение, вектор времени он понимал. Знал, что лето ждет впереди. Взял и шарф с собой, и шапочку, и толстый свитер, и даже рукавицы. Но ботинки на осеннюю грязь уже не вместились, он их решил надеть, хотя дни стояли сухие, легкие от сухости. Да, и фляжку взял, настоящую походную, алюминиевую фляжку в прочном брезентовом чехле. С кипяченой водой из чайника. Из шкатулки в шкафу он взял одну бумажку. Пять рублей. Спрятал в карман рубашки. Мелочь выгреб из жестянки.

Дома никого не бывало, когда он приходил после первой смены. Открывал своим ключом. Раньше дети ключи носили, как нательные крестики. Разогревал кастрюлю из холодильника. Ел прямо из кастрюли, чмокая, чавкая, без хлеба. Да, а хлеб с собой он все же взял. И медную тугую луковицу.

Насытившись, съев в этот раз все до дна, вымыл кастрюлю и ложку. Думал написать записку, но не сумел, только время потратил над промокашкой из чистой тетради. Одежда, обулся, туго набитый рюкзачок закинул за спину. Обошел дом. Подумал, снял с шеи ключ, повесил на гвоздик, где обычно. Поглядел на себя в зеркало в прихожей. Выключил свет. Оказался в темноте. Вышел. Английский замок клацнул, как пес.

Пожалел, что забыл надеть кепку.

Решил он так: поехать с самой дальней электричкой до конца, а там пересесть на какой-нибудь местный поезд. Поглядеть, что дальше будет. То, что страна большая, знал. Думал, что всю жизнь можно ехать и смотреть.

Был он мальчик аккуратный, молчаливый, держался прямо, ровно, обижаться не умел. Обескураживал одноклассников да и взрослых. Иронию понимал как глупость, нелепость. Людей ироничных не любил, но из вежливости старался не показывать. Не боялся он темноты, не боялся оди-

ночества. Иногда играл сам с собой, иногда читал, очень любил слушать радио, разные волны. Атмосфера была ими пропитана. Они опутывали землю, проникали сквозь мозг. Приемник их улавливал, а мозг нет. Так что приемник в каком-то смысле лучше человека. Он к технике относился с большим почтением. Считал, что в будущем так и случится, как пишут в научно-фантастических романах: техника будет управлять человеком. В каком-то смысле она уже им управляет. Не то чтобы он это понимал, он так чувствовал.

В старших классах он скажет, что хочет стать физиком. Но мечтал он быть механиком в девятнадцатом веке, до атома. Еще лучше — изобретателем механических часов. Он считал, что этот человек был единственным гением.

Но пока он шел себе с плотно, по-хозяйски пригнанным рюкзаком к электричке. Маленький, прямой, аккуратный, спокойный. Как будто бы ничего особенного не происходило, как будто шел он привычной дорогой, нисколько уже не удивительной. На него и внимания особенного не обращали, так он был уверен и ровен.

В электричке на Александров он устроился у окна. Рюкзачок поставил на сиденье рядом. Народу собралось немного, как и следовало в послеобеденной будничной электричке. Тетка устроилась напротив с вязаньем. Через проход старичок в детской панаме съел размокший вафельный стаканчик с мороженым. Молодой, дочерна загорелый парень сел возле тетки, с краю. Электричка к тому времени уже отправилась.

Был он в распахнутой на груди рубашке с закатанными рукавами. Рубашка белая, довольно чистая, а брюки старые, коротковатые, с обтрепанными по краю штанинами. Он широко расставил загорелые босые ноги в летних истоптанных сандалетах.

Мальчику парень не понравился. Сразу было видно, что парень не сумеет ехать молча, спокойно, что начнет приставать с вопросами, подначивать, подшучивать. Можно было встать и пересест, мест свободных оставалось сколько угодно, но он решил, что это будет демонстративно, что так парень наверняка к нему прицепится, пойдет следом и весь вагон уже их запомнит. Следовало спокойно смотреть в окно.

Парень потрогал верхнюю губу и сказал:

— Третий день не бреюсь.

Глупая тетка откликнулась:

— Чего так?

— Понимаешь, мать, я ведь свататься в Москву ездил. Знаешь, я какой был три дня назад? Не поверишь. На мне только рубашка и осталась от того вида. Рубашка белая, галстук узенький, цвета... как эта нитка у тебя в клубке, только темнее. Темная вишня, переспелая, матовая. Не галстук, мечта. Черный костюм был, и штиблеты лаковые, я так шел, так боялся замараться, ну как в цирке шел по канату. Поверишь? А познакомились мы на Черном море год назад. Даже и не познакомились; жили недалеко, видели друг друга глазами. И все. На обратном пути в одном поезде оказались, но в разных купе. Ночью я вышел. Она в коридоре. Поздоровался. У нее глаза как будто заплаканные. Разговорились. Имя мне ее понравилось: Нюша. Я у нее адрес взял, чтобы рецепт одного настоя выслать. Мамаша у меня травница. Иной раз совсем древней кажется старухой. Я ее боюсь. Только ее и боюсь, когда сейчас еду. Заморочит меня. Люди говорят, что и не мать она мне, что подобрала меня где-то на путях, когда война уже кончилась. Не знаю. Я иногда мечтаю, чей я сын. Нюше я написал. Она в ответ. Я тоже расстарался. Так и писали друг другу почти год, а в конце я ей предложение сделал. Она молчала, а потом прислала, что да. Приезжай, мол. Я вырядился как франт, одеколоном надушился. Ехать нам до Москвы ровно ночь. Билетов не достать, пришлось в общей. Окна в саже, пол липкий, а я как король в изгнании. Я даже присесть не могу, так мне моего парадного облика жалко. Стою в проходе дурак дураком. Жарко, я пиджак снял. Чемоданчик у меня в ногах. Чемоданчик не жалко, старый, ржавый в углах. Да яблоки в нем. Белый налив. Я пиджак снял, а парень с багажной полки смеется: давай, говорит, подержу пиджачок, все легче будет. Я молчу. Он говорит, одеколоном от тебя разит, как бы сознание не потерять. Я молчу. Я бы на его месте, если б свободен был, так же бы реагировал. Но я-то не на его месте, а на своем. Едем. Час. Не выдержу, думаю. Если б было где, я бы уже пристроился, но народ друг на друге сидит, даже на верхних полках по двое. Другие, кто не успел, прямо в проходе опустились, на поклаже, на газет-

ках. И на полу-то места нет. Но потеснились бы, конечно, если б я захотел. Но у меня характер легкий, я говорю: я жениться еду. Тут народ в вагоне покатился, стали шутки шутить про невесту, а какая-то сознательная тетка сказала: опрокинь-ка ты свой чемодан прямо на пол, вот тебе газетка, стели и садись. Я говорю: у меня в том чемодане яблоки, ну как раздавлю. Ничего, говорит, не раздавишь. Сил у меня уже не оставалось, народ на полу раздвинулся, и я сел. Чемоданчик мой ржавый хрустнул, но выдержал. И дальше я всю дорогу дремал. Короче, сошел я в Москве без единого пятнышка и даже не очень помятый. Умылся в туалете, побрился, чин-чинарем. Я телеграмму дал только насчет дня прибытия. Чтобы не видела меня на вокзале небритого. На Тишинке она жила, я там на рынке цветочки взял. В общем, чего тянуть: квасу выпил от сухости в горле и пошел по адресу. Пришел к дому: хороший дом, здоровый, во дворе детки носятся, по сараям прыгают, мужики дрова пилят, прямо как у нас, в нашем захолустье, даже и не поверишь, что Москва. В подъезде прохладно, лестницы крутые, перила гладкие. Квартира коммунальная, отопление центральное, но и печи еще стоят, их из коридора топят, они и коридор и комнаты греют. Красивые печи, изразцовые. На звонок открыла женщина, посмотрела на меня, сказала: “Приехали? Здравствуйте, я Ньюшина сестра”, — и повела. В комнате светло, ярко, все прибрано, все блестит, стол накрыт под скатертью. Вся комната на виду. Невесты нет. Сестра говорит: за хлебом пошла. Велела садиться, руки напомнила помыть. Лицо ее мне понравилось, только усталое, пожилое. Вернулся с чистыми руками, она мне уже водочку в стопку налила. И себя не забыла. Закуску положила на тарелки. Давайте, говорит, выпьем за встречу, пока она за хлебом шляется. Лучше подождем, говорю. Да ладно, говорит, садитесь. Я рада вас видеть, вы мне нравитесь. Выпили. Я закуску проглотил сразу с голодухи. Она свою не ест, на меня смотрит задумчиво. Я говорю: а чего мне Ньюша не писала о вас? Она: а чего ей обо мне писать? Грибов белых хотите? В сметане. Я говорю: нет. Часы тикают, как вода каплет из крана. Я даже решил сначала, что вода. Думаю, уж не сбежала ли невеста, уж не дурак ли дураком я выхожу. Долго она у вас чего-то за хлебом ходит, говорю вслух. Да не за хлебом, господи, сама не знаю, зачем я про хлеб ввернула. Есть же хлеб на столе, не видите? Я вижу, я думал, мало, наверно. Только где она тогда? Сейчас будет. Скоро уже. Скоро не скоро, открылась дверь и — вошла Ньюша. Только я ее не сразу узнал. Она в парикмахерской сидела. Кудри ей там наворотили. В вагоне у нее волосы были прямые, строгие, белые от солнца, а личико загорелое, темное. И горячим песком от нее пахло. Сухим. Она мне тогда очень понравилась. Фотографии мне ее меньше нравились, в общем, хотя она всего две штуки прислала. А тут, с кудрями этими, с духами, — она мне совсем не понравилась. Я встал, руку протянул, она мне пожалала. Сели. Ни я не ем, ни она. Смотрим друг на друга. Я, чувствую, ей тоже не нравлюсь, бритый и в костюме. Вообще не нравлюсь. Мы тогда в вагоне другими были. Голос у меня был низкий, простуженный. Сидим, как дети обиженные, будто нас кто обманул. Сестра Ньюшина, женщина умная, все поняла, усмехнулась. Посмотрела на нас и говорит: ладно, утро вечера мудренее, ешьте пока, а еще лучше сходите прогуляйтесь, ты в Москве-то бывал? Нет? Вот тебе Ньюша Красную площадь покажет. Вышли мы во двор. И попрощались. Я завернул на Тишинку. Продал там пиджак, галстук...

Саша сидел у окна, закрыв глаза. Он слышал каждое слово. Как можно вот так взять и выложить все о себе, он понять не мог. Он о себе никогда никому не рассказывал, ни посторонним, ни родным. И сам не любил слушать чужие исповеди. Все эти чужие истории как будто наполняли его тяжестью, даже дышать мешали. Зачем же он ехал в дальний путь на тех же перекладных? Разве не есть путешествие — встречи, разговоры, исповеди, — люди, исчезающие быстро, как след дыхания на холодном стекле? Но для Саши путешествие было не встречи-расставанья, не новые города, не лесные дороги, не дым костра; его путешествие умещалось в одном маленьком рюкзаке, как вскоре увидим. После, став взрослым, он помнил о странной своей попытке уехать, увидеть, узнать. Что? Зачем? Он, так державшийся привычных мест, привычного распорядка, так не любивший нововведений... Даже появление нового дивана в комнате его расстраивало. А с каким скандалом приходилось матери заставлять его надеть новую рубашку!

Разговор между женщиной и парнем угас. Саша открыл глаза. К сожалению, он тут же столкнулся взглядом с парнем. Тот, оказывается, на него смотрел. И тут же обратился:

— Ну что, герой, выспался? Все самое интересное проспал, всю мою историю.

Не дай бог, подумал Саша, он вновь все начнет рассказывать.

— Я не проспал. Я слышал.

К сожалению, разговор завязался, и парень его продолжил:

— Далеко едешь?

— Далеко, — ответил Саша и отвернулся к окну.

— Сердитый, — сказал парень, обращаясь к тетке.

— Серьезный, — поправила она.

— Отличник, наверное, — сказал парень. — А я вот никогда отличником не был. Двоечником тоже не был, правда. И хулиганом не был. Отчебучивал, правда, иногда. Там у меня работа, друзья...

Электричка остановилась, вошли какие-то люди, и Саша почувствовал запах сладких, с повидлом, пирожков; он их обожал, эти уличные пирожки. Есть захотелось безумно. Саша открыл глаза. Обернулся, увидел жующего пирожок военного без фуражки. Фуражка лежала возле него на сиденье. Военный ел осторожно, держа пирожок над полом, чтобы, если что, повидло упало на пол, не запачкав брюк и башмаков. Руки у него были изящные, музыкальные, как будто и знать не знали никогда тяжелой воинской работы.

Одним быстрым взглядом все это захватив, Саша отвернулся. И вновь парень встретил его взгляд.

— Вкусно ест. Даже завидно. Хотя не люблю я ведь сладкого.

Саша не ответил. Раскрыл свой рюкзак, распутал стягивающую его веревку, растянул, вынул хлеб в газете, складной нож. Отрезал нетолстый ломоть, протянул парню.

Умяли хлеб.

— Больше у тебя ничего нет в рюкзачке интересного? Он у тебя пузатый.

— Нет.

Дорога всех укачивает, как младенцев. Парень осоловел, глаза смежил, голова его опустилась. Уснул. И женщина руки с вязаньем опустила. Задремала. Саша к окну приткнулся. И во сне рот приоткрыл.

Проснулся он, когда уже вечер настал. Зажглись в вагоне огни, осветили все желтым, призрачным светом. Парень похрапывал, привалившись спящей женщине на плечо. Поезд гнал. Саша потянулся сладко и тут увидел, что рюкзака нет. Он вскочил и даже заглянул под сиденье, не завалился ли.

Он стоял, маленький, потерянный, в куда-то спешащем вагоне, почти пустом. Сжал кулаки и беззвучно заплакал.

Вагон мотнуло. Парень проснулся и увидел, что Саша плачет.

Он не рассказал, что было у него в рюкзаке, и от всякой помощи отказался. На ближайшей платформе сошел. Домой он вернулся поздно ночью, уже успели вызвать милицию.

Путешествием для него оказались спички, нож, фонарик, соль, сухари, кулек слипшихся леденцов, катушка черных ниток, громкий железный пистолет... Во всяком случае, с утратой этого имущества и путешествие утратило для него всякий смысл.

Максимальное количество баллов – 70.

ЗАДАНИЕ 2.

Если бы Вы были автором проекта «Виртуальный музей литературного творчества», какое художественное произведение русской литературы Вы выбрали бы для музея в первую очередь и почему?

Обоснуйте свой выбор, дав оценку прежде всего художественным качествам произведения.

Максимальное количество баллов – 30.